

П. П. ТКАЧЕВА

ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ЮМОРЕСОК А. Т. АВЕРЧЕНКО

В последнее время к нам возвращаются произведения многих писателей русского зарубежья, в их числе и полузабытые юмористические рассказы Аркадия Аверченко. Его творчество — школа для журналистов, писателей, деятелей литературы и искусства. Поэтому обращение к творческой лаборатории А. Аверченко не дань писателю, а острая необходимость. В небольшой статье невозможно рассмотреть все составные «смеховой лаборатории» юмориста, поэтому обратимся лишь к лексическому многообразию его юмористического наследия.

В произведениях А. Т. Аверченко мы встречаем слова из полицейского лексикона, из обихода политических деятелей, иноязычные, бранные, блатные и т. д. В ткани авторского повествования подобных слов, выражений мало. Встречаются они чаще всего в прямой речи героев, оттеняя их профессиональную принадлежность, поступки, особенности характера.

«Бывший шпик» Пров Акациев говорит интеллигенту Нарымскому: «Потрудитесь впустить меня для производства обыска. На основании агентурных сведений...» («Робинзоны»)¹.

Актриса Марыськина думает: «Истерику бы... Если уж чем выделиться, то истерикой» («Преступление актрисы Марыськиной»)².

Служащий транспортной конторы Химиков, мечтавший стать известным грабителем, похвально: «Старый Матвей хочет сегодня погулять: он сделал недурное дельце». Он же, разыгрывая роль «записного пьяницы»: «Доброе пиво! Есть чем Матвею промочить глотку» («Страшный человек»)³.

Начинающий фельетонист: «...О чем же вы, опытный, разнообразный фельетонист напишете? Хи-хи! Какие фортели придумаете? Какой сюжетец возьмете?!» («Куски жизни, грубой и бледной...»)⁴.

Из этих примеров видно, как при помощи речи самих героев автор характеризует их. Это одна функция лексического многообразия языка, другая — участие в организации смеха, в обличении объекта, явления.

Обратимся к рассказу «Клевета», в котором сюжет (и смех) держится на так называемом одесско-еврейском жаргоне (неправильное употребление русских слов, построение фразы и т. д.).

Автору повстречался Гурлянд, который сходу обозвал сотрудников «Нового Времени» «шарлатанами». Они — «шарлатаны» из «Нового Времени» — называли сотрудников газеты «Россия» «еврейскими публицистами». «Как это вам понравится? — возмущается Гурлянд, — ...так они же психопаты! У них уже везде грезятся еврей»⁵. По его мнению, «Россия», это единственная Россия, где нет евреев. Автор удивляется:

— Неужели?

— Чтоб я так жил!

Гурлянд особенно возмущен тем, что и его «в евреи хотят превратить» («...я им тысячу раз говорил, что я немецкий выходец из Курляндии...»). «...Чтоб они так дышали, как я им еврей!»

Потом оказалось (по словам Гурлянда), что он «английский выходец из Шотландии». («Так это разве люди, имеющие уши?»). И когда автор напоминает ему, что он «выходец из Курляндии», Гурлянд говорит: «Ну, да...

Я собственно из Шотландии вышел в Курляндию, а оттуда в Россию. Знал бы, что здесь такие шарлатаны — ни за что бы не выходил!»

Идет дальнейший разговор между автором и Гурляндом:

— Вы, вероятно, не любите евреев?

— Он меня спрашивает! Чтоб вы так же любили свои болячки, как я евреев!.. Если б знали, как тяжело выходцу из Испании, чистейшей воды испанцу — слушать: Гурлянд, ты еврей!..»

Автор снова напоминает ему, что он «говорил насчет Шотландии. Гурлянд отвечает: «Таки да! Я вышел из Испании, пошел на минуточку в Шотландию и через Курляндию в Россию...»

— Почему вы говорите «виходец», ...а не выходец?

— Почему? Потому что это от русского слова выход».

После всего этого Гурлянд предлагает зайти к портному и говорит: «Так что бы вы думали? Он русский? Хороший русский! Форменный еврей! Это, я вам скажу: такой народ, который всюду засовывает своего носа, как выражается русский крестьянин...»

Затем Гурлянд в разговоре с автором (доказывая, что он не еврей, а вот портной — еврей), употребляет еще целый ряд слов и выражений из еврейского жаргона: «Это ужасное стряпничество» (фаршированная щука). «Ой! Он меня спрашивает...», «Хотел бы я посмотреть!», «...Уй! Что это такое! Хвост?» и т. д.

Читатель смеется над незадачливым «виходцем» из Курляндии, Шотландии, Испании. Гурлянд отрицает свою принадлежность к еврейскому народу, но в то же время, отщипывая кусочки фаршированной щуки (портной собрался обедать, и мальчик-слуга поставил на стол блюдо с фаршированной щукой — ритуальной едой евреев), съедает ее, как истинный еврей.

А. Т. Аверченко не ставит вопрос (и не указывает причины): зачем это еврею Гурлянду отрешиваться от своей национальности? И читатель не ставит — читатель (благодаря смеху, организованному неправильно употребленными словами и выражениями) осуждает Гурлянда и ему подобных. Наши симпатии на стороне «форменного еврея» — портного, который не скрывает своей национальности.

Особую роль отводит А. Т. Аверченко пословицам, поговоркам, народным изречениям, крылатым выражениям. Чтобы подчеркнуть бестолковость, несообразительность своего героя, несуразность его поступков, А. Т. Аверченко (рассказ «Культура») несколько раз употребляет поговорку «Век живи, век учись — и дураком помрешь»⁶. Собственно говоря, весь рассказ и держится на ней. Рассказ начинается с того, что Иван Дуботолков «высчитал на бумажке», что в борьбе против холеры помогут лекции о грядковой культуре и разведении корнеплодов. Прочитал. Люди умирают. Ему советуют: «Тут, брат, дело проще: не нужно им пить сырой воды.

— Да ну?! Ведь, вот, правду люди говорят: век живи, век учись...

— И дураком помрешь,— подсказывает собеседник».

Но это не останавливает героя. «Пускали воздушный шар». Кто-то советует остерегаться: «Оболочка никуда, да и клапан — тово». Иван Дуботолков заявляет, что «все меры приняты». Что же это за меры? Оказывается: «Никто из участников полета не должен пить сырой воды! Ни-ни. Ни капельки. Знаем мы эту сырую воду...» Шар упал. Естественно, не от того, что участники полета употребляли сырую воду — от неисправности клапана («Клапан ведь страшно важная вещь и за его исправностью надо следить»).

«Да ну!? Кто бы мог подумать,— всплеснул руками Иван Дуботолков.— Вот уж подлинно сказано: век живи, век учись!..

— И дураком помрешь,— добавил кто-то сзади». Далее следует целый ряд деяний Дуботолкова. Все они объединены этой пословицей.

И в заключительной части фельетона-рассказа автор счел необходимым снова обратиться к ней:

«Продолжение этой истории, очевидно, будет следовать...

Иван Дуботолков проживет свой век...

Вечно будет учиться...

И помрет тем же, чем он был в начале своей хлопотливой жизни...»

Прямая зависимость смеха от пословицы очевидна. Очевидно и другое — пословицы, поговорки, крылатые выражения А. Т. Аверченко использует по нескольким направлениям. Первое (рассказ «Культура») — резюме, подведение итога. Второе — пословица (поговорка, крылатое выражение), органически вплетаясь в ткань повествования, разнообразит смеховую тональность произведения (является организатором смеха). Когда же они сами (пословицы, поговорки, крылатые выражения) не имеют иронического оттенка, писа-

тель прибегает к другим методам организации смеха. Например, в фельетоне «Москва» А. Т. Аверченко приводит крылатое выражение: «Я знаю Москву, как свои пять пальцев!»⁷ Как бы в доказательство того, что заявивший знает Москву, «как свои пять пальцев», он «вытянул свою левую руку, на которой было четыре пальца». Так возникает комическая ситуация, а в результате смех — в данном случае лукаво-добродушный.

Третье направление — пословица (поговорка, крылатое выражение) обыгрывается на протяжении всего произведения, она составная часть сюжета и, естественно, смехового фона. Это мы наблюдали на примере фельетона-рассказа «Культура».

Подобным же образом написан и рассказ «Гололедица», смысл его таков. Редактор «Желтухинского Вестника», просматривая корректуру газетной статьи, прочитал фразу: «А те, кому это знать надлежит, и в ус себе не дуют»⁸. Задумался: «Кому это знать надлежит? Какому-то начальству. Значит, автор обвиняет начальство в том, что оно не дует себе в ус». Зачеркнул фразу. Потом раздумал: «...взял резинку и вытер карандашный след на строке».

Что бы потом не делал редактор с этой фразой (зачеркивал или возобновлял), она не выходила из головы. То он зачеркнул и рассуждает, что газету-то его никто не читает. «А через минуту подумалось:

— Да. Газету могут не читать... Но твой долг — быть в рядах оппозиции и беспристрастно освещать все злонамеренные шаги администрации в сторону произвола и реакции...»

У редактора в руках снова резинка — он «стер карандаш на фразе: «а те, кому и т. д.».

И все-таки сомнения не покидают редактора: он читает фразу секретарю редакции — тот советует оставить, репортеру — тот рекомендует убрать. «...Редактор схватился за голову:

— Мука-мученическая! Ничего я уже не соображаю...»

Потом редактор звонит инспектору по печати и ему читает фразу. Инспектор вначале рекомендует печатать, а затем «сказал — поступайте, как знаете». Ничего не могут подсказать и городской, извозчик, лошадь... «На другое утро редактора нашли висящим в городском саду, на единственном дереве...» В кармане оказалась записка. «Городовой по складам прочел:

— А-те-ко-му-это-знать-на-дле-жит и-в-ус-се-бе-не-ду-ют».

— Интеллигенты! — усмехнулся околоточный. — Даже записки порядочной составить не умеют... Так это просто: «в смерти моей прошу никого не винить».

На изложении попытки расшифровать смысл крылатого выражения («...и в ус себе не дуют») держится сюжет рассказа. С другой стороны, крылатое выражение в сочетании с иными приемами (комическая ситуация, поступки героев и т. д.) организует смех.

¹ Аверченко А. Т. Одиннадцать слонов. М., 1989. С. 36.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 108.

⁴ Сатирикон. 1909. № 26. С. 2.

⁵ Там же. № 2. С. 3.

⁶ Там же. № 33. С. 2—3.

⁷ Там же. № 51. С. 6.

⁸ Там же. № 5. С. 2—3.